

**. CHARLES .
MARTIN**

**THE DEAD
DON'T DANCE**

• ЧАРЛЬЗ •
МАРТИН •

МОЯ ЛЮБОВЬ
КОГДА-НИБУДЬ
ОЧНЕТСЯ

Москва
2019

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

М29

Charles Martin

THE DEAD DON'T DANCE

Copyright © 2004 by Charles Martin

This translation is published by arrangement with Random House,
a division of Penguin Random House LLC.

Перевод с английского *Владимира Гришечкина*

Художественное оформление *Анастасии Ивановой*

Мартин, Чарльз.

М29

Моя любовь когда-нибудь очнется / Чарльз Мартин ; [перевод с английского В. Гришечкина]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-105316-1

Жизнь Дилана потеряла всякий смысл с тех пор, как его жена Мэгги впала в кому после тяжелых родов. С каждым днем он понимает все яснее — Мэгги не очнется.

Но есть люди, которые убеждают его не поддаваться отчаянию, ведь они точно знают, как помочь. Мэгги все еще может вернуться в подлунный мир, вот только Дилану, подобно легендарному Орфею, придется опуститься ради этого на самое дно и, если достанет сил, вернуться обратно.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Гришечкин В., перевод на русский язык,
2019

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105316-1

Посвящаю Кристи.
Спасибо, что поделилась со мной теплом.
Без него я бы замерз.

Глава 1

В прошлом ноябре, в самом конце, когда бобы вымахали на четыре фута, кукуруза поднялась на восемь, а лилово-синие цветы глицинии пожухли и побурели, наконец-то задули по-зимнему холодные ветра. За считанные дни они выдули летний зной и духоту. А сегодня ночью разбудили Мэгги. Перевернувшись на другой бок, она толкнула меня в плечо и прошептала:

— Пойдем поплаваем?!

Часы показывали два ночи. На небе сияла полная луна, и я сказал:

— Пошли.

Толчок в плечо обычно означал, что Мэгги знает что-то такое, чего не знаю я, и в этом не было ничего удивительного. С тех пор как мы познакомились, я не раз убеждался в том, что ей известно много такого, о чем я не подозревал.

Мы выбрались из постели, разыскали в шкафу пару полотенец и, взявшись за руки, стали спускаться к реке. Когда до берега было уже совсем недалеко, Мэгги высвободила руку и побежала вперед, к обрыву, сбросив на ходу полотенце, которое я подобрал. Лишь на мгновение ее изящный силуэт замер на вы-

соком обрывистом берегу, и вот уже Мэгги ласточкой летит с обрыва в до краев наполненную сияющим лунным светом реку, которая широкой полосой пересекла нашу часть Южной Каролины.

Бросив полотенца на берегу, я тоже вошел в воду чуть правее обрыва, где берег становился совсем пологим. Вода была теплой — намного теплее, чем воздух. Плотное, чуть волнистое песчаное дно нехотя подавалось под моими ступнями, а возле моих колен то и дело шмыгали стремительные уклейки. Сделав несколько шагов, я развернулся спиной вперед и, зажмурив глаза, навзничь повалился в воду. На несколько секунд я погрузился с головой, но почти сразу снова встал во весь рост, чувствуя, как вода стекает по моим шее и плечам. Глубины здесь было всего по пояс, но в тени берега вода казалась черной, как нефть. Я смотрел на нее и думал о том, каким долгим и жарким выдалось прошедшее лето. Впрочем, у нас в Диггере летний сезон часто бывает долгим, поэтому прохлада, которую принесли осенние ветра, казалась долгожданной и приятной.

Мы плавали в темной речной воде, пока не устали. Наконец мы выбрались на берег, постелили полотенца на мелком белом песке и легли. Голова Мэгги покоилась на моем плече. Луна перестала подглядывать за нами и скрылась за верхушками кипарисов.

Какое-то время спустя, когда мы обнявшись возвращались домой, Мэгги уже знала, что сегодня ночью мы зачали сына. Я же узнал об этом только месяц спустя, когда она танцующей походкой спустилась с крыльца и отыскала меня на кукурузном поле. Улыбаясь, Мэгги сунула мне под нос узкую бумажную полоску с розовой линией.

Вскоре я стал замечать кое-какие перемены. Начались они в нашей второй спальне, которая раньше

была кабинетом, а теперь превратилась в детскую. В один прекрасный день Мэгги вернулась из скобяной лавки с двумя галлонами голубой краски для стен и галлоном белой для потолка и карнизов.

— А если будет девочка? — спросил я.

— Будет мальчик, — уверенно ответила Мэгги, протягивая мне малярную кисть.

Мы постелили на пол какие-то старые простыни и принялись валять дурака — совсем как Том и Гек. К вечеру мы оба с ног до головы перемазались голубой краской, и, хотя стены почти не изменились, начало, как говорится, было положено.

Запах краски гнал нас из дома, поэтому воскресенье мы посвятили поездке по «гаражным распродажам»¹. В одном месте мы нашли детскую кроватку за шестьдесят долларов, вполне приличную, только на верхних перекладинах боковых решеток отпечатались маленькие ямки — следы зубов. Мэгги провела по ним пальцами, словно Хелен Келлер², читающая книгу, напечатанную шрифтом Брайля.

— То, что надо, — сказала Мэгги.

Кроватку мы поставили в углу детской, а после обеда поехали в Чарльстон — в так называемый оптовый детский супермаркет. Лично я никогда в жизни не видел столько детских вещей в одном месте. А если говорить откровенно, то до этой поездки я понятия не имел, что половина из них вообще существует. Когда мы вошли в автоматические стеклянные двери, запищенный на пленку голос над нашими головами произ-

---

¹ Гаражная распродажа — дешевая распродажа ненужной домашней утвари. Обычно организуется в выходной день перед воротами гаража или в самом гараже. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

² Келлер, Хелен — американская писательница и общественный деятель. В младенчестве она ослепла и оглохла, но научилась читать и писать благодаря своей няне Энни Салливан.

нес: «Добро пожаловать в «Детский мир»! Если у нас чего-то нет, значит, вашему ребенку это не нужно!» Прослушав это сообщение, я начал смутно подозревать, какие неприятности меня ожидают, но было уже поздно. Мэгги схватила сразу две тележки, толкнула одну из них мне и, состроив свою самую свирепую «охотничью» гримасу, скомандовала:

— Ну, вперед!

Не успели мы добраться до конца первого прохода, а моя тележка была уже полнехонька. Мы скупали памперсы, салфетки, пустышки, шнуры и цепочки для пустышек, подставки для бутылочек, бутылочки для бутылочек, чтобы они медленней остывали, масло от сыпи, крем от сыпи, присыпку от сыпи, погремушки, одеяла, пеленки, автокресло, столик для переодевания, пластиковые контейнеры, чтобы хранить в них все, что мы купили, «кенгурушку», крем и присыпку специально для «кенгурушки», пинетки, фланелевые чепчики для тепла и маленькие книжки-раскладушки с забавными картинками. Вскоре я бросил подсчитывать в уме предстоящие расходы и только кивал, повторяя: «Да, мэм, конечно, мэм!» — каждый раз, когда Мэгги указывала на очередной загадочный предмет, который имел для нее (но не для меня) огромное значение. Она могла сотню раз повторить: «Ты только посмотри на это!» и «Правда же, он миленький?». Я смотрел, но ничего «миленького» не видел, хотя и допускал, что жена разбирается в детских вещах намного лучше меня.

Когда мы добрались наконец до касс, наши тележки было уже невозможно разглядеть под горами пакетов, кульков и коробок.

Но именно возле касс какой-то гений розничной торговли разместил самых больших и дорогих плюшевых медведей. Не заметить их было просто невоз-

можно. Мэгги заметила. Поправив свой мешковатый рабочий комбинезон, она несколько раз моргнула большими карими глазищами и произнесла глубоким, соблазнительным шепотом:

— Дйлан, я знаю — этого медведя зовут Гекльберри!

Я рассмеялся в ответ. Что мне еще оставалось?

Укладывая покупки в кузов нашего грузовичка, я невольно вздохнул с облегчением, полагая, что на этом наши траты закончились, но это было не так. Мы все еще оставались на стоянке, а совсем рядом с «Детским миром» расположился магазин одежды для будущих мам, мимо которого Мэгги пройти просто не могла. Одержимая покупательской лихорадкой, она еще в течение часа наносила нашему семейному бюджету удар за ударом, а я только подставлял руки, когда Мэгги снимала с вешалки очередную обновку. Только когда из-за кипы платьев и комбинезонов, которые я держал перед собой, я уже не видел, куда иду, она направилась к примерочной. Там, впервые на моей памяти, дежурная продавщица велела мне пройти внутрь вместе с женой. Мэгги закрыла дверцу, задвинула щеколду и одним движением рук собрала волосы на макушке в колышущийся «конский хвост».

В течение следующего часа моя жена примеряла обновки, а я охал и ахал на все лады. Единственным источником света в примерочной была утопленная в потолок сороковаттная лампочка, но каждый раз, когда Мэгги поворачивалась ко мне спиной и, приподняв «конский хвост», просила расстегнуть ей «молнию», лучи света обливали ее высокую (пять футов и восемь дюймов), ладную фигуру серебристым сиянием, похожим на волшебный порошок феи Динь-Динь, который блестел и в ее светлых, вьющих-

ся волосах, и на покрытой легчайшим пушком шее, и на мокрой от испарины верхней губе, и на прямых, загорелых плечах, и в ложбинке между лопатками, и на стройных бедрах, и на тонких, сухих, как у газели, ногах и крепких икрах.

Господи, как же я ее любил!!!

Шорты, брюки, платья, сарафаны, лифчики для беременных, лифчики для кормящих, поддерживающие пояса, нижнее белье для шести месяцев, белье для девяти месяцев, толстовки, кофты, жакеты — им не видно было конца. Примеряя очередную вещь, Мэгги засовывала под пояс специальную «восьмифунтовую» подушку и, положив руки на бедра и привстав на цыпочки, оглядывала себя в зеркале.

— Как ты думаешь, я выгляжу не слишком толстой?

— Господи, Мэг, да ни один мужчина в здравом уме не ответит на этот вопрос утвердительно!

— Дилан, не увиливай! — Она направила на меня указательный палец. — Я хочу знать твое мнение!

— Мое мнение: ты прекрасна!

— Если ты врешь, — заявила она, вздергивая подбородок и высоко поднимая брови, — то будешь сегодня спать на диване!

— Как вам будет угодно, мэм.

Когда Мэгги выходила из примерочной, она была окружена сиянием, которое исходит абсолютное большинство беременных женщин. Похоже, моя жена чувствовала себя полностью готовой к предстоящим родам, и я нисколько не жалел тех трехсот семидесяти семи долларов, которые мы потратили.

Следующие несколько месяцев были наполнены для нас обоим светом и яркими красками, словно Бог поместил нас внутрь своей семицветной радуги. Хлопок, бобы, кукуруза, горох и дыни превращали землю

в пестрое лоскутное одеяло, окаймленное зелеными плетями пуэрарии, пышно разросшейся вдоль обочин старого каролинского шоссе. Древние дубы — узловатые, раскидистые, кишасшие красными жуками и насквозь пропитанные историей, — чуть покачивали кронами над свежевспаханной землей. Наивные, немного безрассудные, мы с оптимизмом глядели в будущее и улыбались друг другу, когда Мэгги брала мою руку в свою и клала себе на живот.

На третьем месяце мы впервые отправились на ультразвуковое исследование. К этому времени у Мэгги начал появляться животик, которым она ужасно гордилась. Когда в комнату вошел врач, она уже лежала на кушетке с пристегнутым к животу монитором для наблюдения за состоянием плода и держала меня за руку. Врач включил аппарат, выдавил ей на кожу специальный гель и принялся водить по животу Мэгги пластиковым датчиком. Услышав, как бьется сердце нашего ребенка, Мэгги заплакала.

— Дилан, ты слышишь? — прошептала она. — Это же наш сын!

В конце четвертого месяца акушерка из женской консультации подтвердила то, что Мэгги интуитивно знала с самого первого дня. Она лежала на том же самом столе, а акушерка водила по ее животу ультразвуковым датчиком. В какой-то момент она остановилась и показала на экран, где подрагивало изображение плода.

— Вот, смотрите, — сказала она. — Это мальчик. Похоже, у него уже сейчас есть, чем гордиться.

Я не выдержал и упал на колени рядом со смотровым столом. В двадцать девять лет я впервые заглянул в живот своей жены и увидел нашего сына. Он казался мне огромным, как сама жизнь. Я видел, как

бьется его сердце, видел, как он ворочается, словно давая рассмотреть себя со всех сторон.

— Эй, парень!.. Привет!..

Так я начал беседовать с животом Мэгги. Чуть не каждый вечер, когда дневные хлопоты оставались позади, я разговаривал с моим подрастающим сыном. Это происходило уже в кровати, где мы лежали все втроем. Я поднимал рубашку Мэгги, обнажая живот, прижимался губами к бархатистой, как персик, коже в районе пупка и начинал говорить. О чем? Да обо всем... О футболе, о девушках, о школе, об урожае, о тракторах, собаках, кукурузе, приятелях, о листьях, цветах и обо всем, что только приходило в голову. Мне хотелось, чтобы сын уже сейчас знал мой голос, и через несколько дней он действительно начал пинаться, стоило мне произнести несколько слов. Я ощущал эти слабые толчки губами. Прежде чем пожелать мальчугану спокойной ночи, я обычно пел ему «Джонни — Апельсиновое семечко», «Папа любит своего сыночка», «Маленький паучок» или «Иисус любит меня».

Иногда, когда ребенок начинал брыкаться посреди ночи, Мэгги клала мою ладонь к себе на живот. Она ничего не говорила, но я сразу просыпался, стоило мне почувствовать тепло ее тела и маленькую пяточку, которая упиралась в стенку ее живота изнутри.

Несколько ранее, на очередной «гаражной распродаже» я обнаружил древнего деревянного коня-качалку. Игрушка требовала серьезного ремонта, но я все равно ее купил, привез домой и устроил в амбаре столярную мастерскую, а Мэгги велел держаться подальше. Через неделю я принес коня в дом и поставил в детской рядом с кроваткой. Он был тщательно проклеен, выкрашен белой краской и до блеска отполи-

рован. Увидев его, Мэгги вдруг разрыдалась. Думаю, именно тогда до меня окончательно дошло, что моя жена стала другим человеком и что избыток новых гормонов повлиял не только на ее тело, но и на разум.

Какое-то время спустя у Мэгги действительно стали появляться неожиданные и довольно-таки странные желания.

— Дорогой, — произнесла она однажды низким, соблазнительным шепотом, — мне почему-то очень хочется свежего, натурального арахисового масла, а еще — ежевичного мороженого. «Хеген датс» ведь самый вкусный, как ты считаешь?

Я только кивнул и отправился на поиски, не представляя, как трудно будет найти свежее арахисовое масло в десять часов вечера. Когда пару часов спустя я вернулся, Мэгги ждала меня на веранде. Сидя к качалке, она нетерпеливо притопывала ногой и размахивала ложкой. Я снял крышки с контейнеров, и мы, усевшись на ступеньки крыльца, принялись в две ложки уничтожать десерт. Покончив с мороженым, Мэгги мечтательно посмотрела на меня.

— А как начет чизбургера? — спросила она.

К шести месяцам Мэгги сделалась очень беспокойной и легко возбудимой. Любая мелочь могла вывести ее из себя. Как-то утром, разглядывая себя в зеркале, она вдруг закричала во все горло:

— Господи, какой кошмар! Дилан Стайлз, иди немедленно сюда!

Обычно Мэгги зовет меня по имени и фамилии, только когда я сделаю что-нибудь не то. Например, забуду опустить сиденье унитаза, оставлю незакрытым тубик с зубной пастой, не вынесу вовремя мусор, не сумею уничтожить всех пауков и тараканов в радиусе двух миль или попытаюсь тайком сделать что-нибудь

запретное и попадусь. Сейчас по ее интонациям я сразу понял, что на чем-то погорел. Я только никак не мог взять в толк — на чем.

Когда я вбежал в ванную комнату, Мэгги стояла на цыпочках перед раковиной умывальника и, подавшись вперед, изучала в зеркале свой подбородок. Махнув в мою сторону увеличительным стеклом, она спросила с неподдельным страданием в голосе:

— Что это такое, по-твоему?

Я взял увеличительное стекло, посмотрел — и не сдержал улыбки. На подбородке Мэгги я увидел один-единственный черный волос длиной примерно в треть дюйма.

— Если хочешь знать мое мнение, — ответил я, — то, по-моему, у тебя начала расти борода. Шикарная, черная как смоль, курчавая борода, которой позавидовал бы и царь Навуходоносор...

Да, я знаю, что этого говорить не стоило, но удержаться я не мог.

— Выдерни его! Немедленно! — взвизгнула Мэгги и шлепнула меня по плечу.

Выдвинув ящик туалетного столика, я достал оттуда швейцарский армейский нож и ногтем открыл маленькие щипчики.

— Знаешь, Мэг, если у тебя действительно вырастет борода, тебя с дорогой душой возьмут на работу в любой цирк.

— Дилан Стайлз! — Мэгги покачала у меня перед носом чуть согнутым указательным пальцем. — Прекрати надо мной издеваться, иначе тебе придется всю оставшуюся жизнь спать на диване!

Наверное, я все-таки немного перегнул палку, однако чувствовал — я обязан заставить Мэгги взглянуть на происшествие под другим углом, поэтому протянул ей свой крем для бритья.

— Вот, возьми. Очень хорошо для чувствительной кожи.

Через тридцать секунд мы уже валялись на ковре в гостиной: я свернулся клубком, как еж, а Мэгги старалась выдернуть те немногие волоски, которые еще оставались у меня на груди. Наконец она решила, что я достаточно ошипан, и подняла кулачки к груди словно боксер, изготавившийся ко второму раунду.

— Лучше заткнись, Дилан Стайлз, и выдерни этот омерзительный волос из моего подбородка!

Развернувшись к свету, я удалил злосчастный волос и, положив его на ладонь, отправился на кухню. Меня распирало от смеха. Мэгги осталась в ванной и еще с час изучала в зеркале свое лицо, ища на нем другие признаки оволосения по мужскому типу.

Еще пару недель спустя ее живот стал таким большим, что сто́я она уже не видела пальцев ног. Ребенок рос не по дням, а по часам, и иногда мне казалось, что Мэгги для смеха засунула под платье баскетбольный мяч. Ей, однако, было совсем не смешно. Как-то раз я снова застал ее перед зеркалом — Мэгги растерянно разглядывала себя, сжимая в руке открытый флакончик лака для ногтей. Увидев меня, она вдруг разрыдалась.

— Ты больше не будешь любить меня, Дилан! Я стала безобразно толстой!

Она так горько рыдала, что я взял ее за руку, усадил на диван, принес стакан холодной воды с долькой лимона, а потом сам покрасил ей ногти на ногах. Это было единственное, что я мог придумать в данной ситуации.

Мэгги была на седьмом месяце, когда я однажды вернулся домой довольно поздно и вдруг услышал, как она плещется в ванне, разговаривая сама с собой на повышенных тонах. Заглянув в ванную, я увидел,